

МИР ДЕТСТВА В ПОВЕСТИ Ю.И. КОВАЛЯ «ПОЛЫННЫЕ СКАЗКИ»

Л.В. Захарова

ФГК ВОУ ВО «Михайловская военная артиллерийская академия»,
Санкт-Петербург

В статье рассматриваются особенности художественного воплощения мира детства в повести Ю.И. Ковалю «Полынные сказки». Анализируется жанровое своеобразие и пространственно-временная организация произведения.

Ключевые слова: художественная картина мира, мир детства, повесть, сказка, художественное пространство, художественное время, Ю.И. Коваль, «Полынные сказки».

Прозу Юрия Иосифовича Ковалю (1938–1995) — талантливого писателя, продолжателя лучших традиций русской классической литературы — исследователи и критики считают значимым явлением русской литературы конца XX в. Его произведения для детей и юношества представляют собой самобытную художественную систему, в которой особая роль отведена языку, точному, яркому, образному. По словам самого писателя, очень серьезно относившегося к качеству детской литературы, «проза должна быть такой, чтобы ты готов был поцеловать каждую написанную строчку» [3].

При всем разнообразии жанров, прозу Ю. Ковалю объединяет синтез лирики и юмора, реальности и фантастики [2, с. 10], острая фабула и отсутствие явной назидательности, что делает ее привлекательной для юного читателя. Традиционные для детской литературы темы природы, деревни, родины, детства писатель наполняет философским смыслом, делая свои произведения интересными и для взрослой аудитории.

Творческая манера Ю. Ковалю в полной мере реализовалась в повести «Полынные сказки» (1987), отмеченной первой премией Всесоюзного конкурса на лучшую детскую книгу и признаваемой одним из самобытных явлений русской литературы.

Определив жанр «Полынных сказок» как повесть, Ю. Коваль подчеркивает реалистичность описываемых событий. О полностью реальной основе произведения он говорит и в 1995 г. в своем, пожалуй, последнем интервью И. Скуридиной [4]. В основе «Полынных сказок» рассказы матери писателя Ольги Дмитриевны Колыбиной (в повести — Лёли) о ее детстве, которые неоднократно повторялись ею маленькому, а потом уже и взрослому сыну и даже были записаны в ее дневнике. При этом писатель создает мифологическую художественную картину мира, не проводя резкой грани между воспоминаниями своей матери о детстве, проведенном в деревне Полыновке, и народными сказками, услышанными ею от полыновцев и включенными в повесть как самостоятельные композиционные элементы. Вкрапление в повесть отдельных сказок, а также фантастических элементов обусловлено художественным замыслом пи-

сателя отразить характерный детскому мышлению синкретизм реального и ирреального.

Каждая глава повести называется сказкой. Казалось бы, такое наименование противоречит жанру повести. Однако этим писатель подчеркивает, что повествование будет вестись с позиции ребенка. Эта особенность поясняется автором в прологе: «Прошло много лет, прежде чем я понял, что мама рассказывала мне про свою жизнь. А у меня в голове все укладывалось как сказки» [3]. Таким образом, наименование глав повести сказками отвечает особенностям детского восприятия мира.

В названии большинства «сказок» автор акцентирует внимание читателя на значимых для рассказчика художественных деталях, которые нередко перерастают в художественный образ: «Сказка о крыльце и завалинке», «Сказка о сосновой лампе», «Сказка о гусиных буквах», «Сказка о Сеятеле». В других названиях указывается центральный персонаж сказки: «Сказка о Главном Человеке», «Сказка про деда Игната», «Сказка о солдатике», «Сказка о сестрах».

Повесть состоит из 43 сказок, каждая из которых представляет собой относительно законченное повествование, завершённый сюжет. Даже главы со схожим названием «Сказка о „волчках“» и «Сказка о „волчках“» (продолжение)», хотя и объединены одной темой, представляют два разных сюжета: столкновение девочки Лёли с загадочными и пугающими ее «волчками» и беседу Лёли с матерью, Татьяной Дмитриевной, об этих таинственных «волчках».

«Полынные сказки» характеризуются жанровым разнообразием. Большинство из них — это наполненное лиризмом биографическое повествование, сохраняющее переживания, впечатления и фантазии маленькой девочки. Собственно сказок в традиционном понимании этого фольклорного жанра только семь. Среди них представлены сказки всех видов: сказки о животных («Марфушина сказка в три блина длиной», «Сказка про деда Игната и волка Евстифейку», «Сказка деда Игната про козла Козьму Микитича»), бытовые сказки («Сказка деда Игната про другие три рубля», «Сказка о жареном гусачке») и сказки волшебные («Марфушина сказка про степного брата», «Сказка про серебряного сокола, которую рассказала Натакай»).

Введение сказочного сюжета в реалистическое повествование подчиняется естественному ходу событий, общей логике произведения. Так, «Марфушина сказка в три блина длиной», основанная на приключениях мышки, у которой не только первый, но и следующие два блина встали комом в горле, следует за вполне реалистичной главой «Сказка о Полюновке», посвященной традиционному укладу жизни жителей степной деревни, в частности обычаю в праздничные дни печь пшеничные блины. «Марфушина сказка в три блина длиной» становится продолжением эпизода о праздниках, когда дети собирались на блины в школе и одна из старших учениц, Марфуша, рассказывала Лёле сказку про блины. Подобным образом вводятся в повествование и другие сказки: «Сказка деда Игната про козла Козьму Микитича» как продолжение реальной истории знакомства Лёли с ранее неизвестным ей животным — козой

Каткой, «Марфушина сказка про степного брата» как продолжение диалога Лёли с Мишкой, которого девочка назвала своим степным братом, и т. п.

Только «Сказка про серебряного сокола, которую рассказала Натакай» не включается как продолжение того или иного разговора героев повести, однако место ее среди остальных глав вполне закономерно: она следует за «Сказкой о ледянке», в которой повествуется о дружбе Лёли с сестрами Натакай и Еленакай. Связь этой волшебной сказки с реалистическим сюжетом повести явно прослеживается в начале следующей за ней главы под названием «Сказка о сломанных дрожжах»: «Лёля заслушалась. Долго рассказывала Натакай свою сказку, и Лёля позабыла и про ледянку быстроходную, и про то, как весело было кататься с горы. Она все думала, о чем же грустил серебряный?» [3]

Так или иначе автор не только в названии сказки, но и в предшествующей или последующей главе называет рассказчика, наделенного своими характерными чертами. Больше всего сказок рассказано школьным сторожем дедом Игнатом, суровым и немногословным: «Молчаливый обычно дед начинал бурчать себе под нос, и из бурчанья этого сама собой появлялась сказка. Сказки у него были особенные, всё больше про волков» [3]. При этом нередко автор подчеркивает, что сказка, рассказанная тем или иным персонажем повести, приводится в пересказе, например: «Свои сказки Марфуша рассказывала очень-очень давно, и прошло много лет, прежде чем я их услышал, а потом прошло еще много-много лет, прежде чем я стал их вам рассказывать» или «Вот и слушайте сказку деда Игната, как я вам ее расскажу» [3]. Так в «Полынных сказках» сосуществуют и дополняют друг друга художественные образы нескольких рассказчиков.

В наличии нескольких рассказчиков проявляется полифоничность повествования. С первых строк возникают образы рассказчика-мальчика и рассказчика-мамы, в отдельных главах появляются и другие рассказчики (Татьяна Дмитриевна, ее племянницы Дуня и Ольга, дед Игнат, третьеклассники Марфуша, Мишка-солдатик, сестры Натакай и Еленакай, др.). Основным рассказчиком является мальчик, излагающий сказки из детских воспоминаний. Его поддерживает рассказчик-автор, чей текст обрамляет все повествование. «Это многоголосие создает единый образ Сказителя Полынных сказок» [1, с. 7]. В ряде случаев смена персонажа-рассказчика отражается в названии главы: «Дунина сказка про рябину», «Сказка деда Игната про козла Козьму Микитича», «Сказка про серебряного сокола, которую рассказала Натакай». В большинстве сказок, как правило, сливаются голоса нескольких повествователей: рассказчика-мальчика, самой Лёли и автора.

С вопросом полифоничности «Полынных сказок» связан анализ интертекстуальных связей, нашедших отражение в повести. Прежде всего, это цитирование Татьяной Дмитриевной на уроке отрывка из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина «Зима!.. Крестьянин, торжествуя...» с последующим его толкованием для школьников («Сказка о праздничных стихах») и цитирование стихотворения Н.А. Некрасова «Сеятелям» Ефимкой Киреевым на экзамене

(«Сказка о Сеятеле»). В этих эпизодах отражено приобщение к поэтической культуре деревенских школьников, сталкивающихся с трудностями интерпретации художественного текста в силу ограниченности своего читательского опыта и кругозора в целом. Кроме того, автор вводит в текст фрагменты песен. Например, в «Сказке о метельном празднике» Дуня немного перефразирует для Лёли русскую народную песню «Во саду ли, в огороде...», она же в «Сказке о том, как не зацвела сирень» исполняет народную песню «Тонкая рябина», которая становится основой для интерпретации ее содержания Лёлей и трансформации в сказку со счастливым концом («Дунина сказка про рябину»). Приведенные примеры — яркие образцы детского восприятия художественного слова: это и буквальность понимания содержания, исходящая из ограниченности собственных познаний и опыта, и творческое отношение к содержанию, обусловленное общим оптимистическим настроением и выражающееся в стремлении изменить сюжет известного произведения.

Полифоничность «Полынных сказок» проявляется и во взаимопроникновении двух языковых культур — русской и мокшанской, родной для жителей мордовской деревни. Полифоничность создается иноязычными вкраплениями. Татьяна Дмитриевна, обучая полыновцев грамоте и письму на русском языке, сталкивается с немалыми трудностями. Автор воссоздает отдельные диалоги, в которых вводит в речь полыновцев слова и фразы на мокшанском языке. Обычно такие эпизоды демонстрируют понимание полыновцами русского языка, но неумение ответить по-русски («Сказка о полынном языке», «Сказка о том, как в школе начались занятия», «Сказка об уроке русского языка»). Как правило, возникновение языковых барьеров в общении коренных полыновцев с русскими описывается Ю. Ковалем с присущим ему добрым юмором:

«Вот, к примеру, на уроке Татьяна Дмитриевна спрашивает ученика:

— Где твоя тетрадка?

А он отвечает:

— Кати коса...

„Какая коса? — думает Татьяна Дмитриевна. — Куда ее катить? Нет уж, не буду я катить свою косу“. <...> А на полынном языке „кати коса“ означает „не знаю где“» («Сказка о полынном языке» [3]).

В повести нашло отражение не только распространение русского языка среди разных народов России, но и взаимопроникновение языковых культур. Так, Лёля усваивает традиционные формы обращения полыновцев («Сказка о Полыновке»): к имени мужчины добавляется «удивительное» слово «батэй», которое означает «дядя» (Никифор-батэй), к имени женщины — «кай», т. е. «тетя» (Алёнакай, Натакай). Подобное проявление взаимодействия культур — интересная деталь, иллюстрирующая особенности социализации ребенка в условиях двуязычия.

Художественное время в «Полынных сказках» достаточно условно: «Давно это было»; «Это было давно... очень давно»; «Это было... давно это было». Это условное время обозначено автором уже в подзаголовке произведе-

ния: «Полынные сказки: повесть о давних временах». Условность художественного времени связана с особенностями представления о времени, характерными для дошкольного возраста.

В повести четко прослеживается смена времен года в Полыновке, нашедшая отражения в памяти маленькой Лёли. Ее первые воспоминания связаны с летом: «Был жаркий июльский день. На лугу стояла девочка. Она видела перед собой зеленую траву, по которой рассыпаны большие одуванчики» («Сказка об огромных существах»). Постепенно в повествовании лето сменяется осенью («Пришла, пришла к полыновцам осень»), осень — зимой («Снега заносили полыновскую степь. За снегами явились морозы»), зима — весной («А утром обрушилась на деревню Полыновку великая весна») и завершается книга временем цветения сирени («На этом, на счастливой сирени, мне и хочется закончить книгу полынных сказок») [3].

В то же время события повести соотносятся с отдельными вехами взросления Лёли: «Это было, когда Лёля научилась летать»; «А уж это было, когда Лёля перестала стенные часы за нос дергать»; «А это было уже после того, когда Лёля поняла, кто на свете главный человек». Кроме того, время в повествовании вписывается в ритм жизни школы, в которой преподает Татьяна Дмитриевна и которая является домом для маленькой девочки: «И пошли школьные дни один за другим — день за днем, урок за уроком»; «А к большой перемене выглянуло вдруг солнце из снежных облаков...»; «Сразу после экзамена мама уехала» [3].

Историческое время в повести прослеживается слабо. Так, с дореволюционной историей народного образования можно соотнести прибытие на экзамен «батюшки попа» и попечителя школ, чрезвычайно важного господина, которого полыновцы называли барином («Сказка о строгом празднике»), и отдельное упоминание о том, что школа была церковноприходской («Сказка о том, как в школе начались занятия»). На зарождающиеся революционные настроения в народе намекает и «Сказка о волчках». Отвечая на вопросы Лёли, Татьяна Дмитриевна объясняет, что «волчков» не стоит бояться, потому что они думают, *«как дать народу волю»*, но о них нельзя рассказывать, чтобы их не отправили на каторгу, убеждает дочь забыть о них.

Автор включает в текст «Полынных сказок» реминисценции, в частности упоминает о вальсе «Амурские волны» в «Сказке о жареном гусачке», о великих полководцах А.В. Суворове и М.И. Кутузове в «Сказке о фамилии». Это позволяет расширить рамки повествования, связать жизнь Полыновки с более широким социокультурным и историческим фоном, но не служит большей конкретизации исторического периода, отраженного в повести. Автор «Полынных сказок» сознательно ведет повествование едва ли не вне конкретного исторического времени, создавая художественную картину мира, близкую к мифологической, погружая читателей в глубины воспоминаний одновременно нескольких рассказчиков — представителей разных поколений полыновцев — и своих соб-

ственных: «Прошлое, настоящее и будущее в художественном мире произведения существуют в едином пространственно-временном континууме» [1, с. 8].

Л.Д. Ащепкова отмечает мифопоэтичность и художественного пространства повести, которое условно можно разделить на внутреннее пространство, близкое и родное для Лёли (Полыновка), и внешнее пространство, чужое (бескрайняя степь, окружающая Полыновку, и другие места, в которых Лёля не была). Мир Лёли расширяется по мере ее взросления, наполняется новыми деталями, представленными сквозь призму впечатлений девочки, ее миропонимания. Недоступные для понимания маленькой девочки явления окружающего мира наделяются ею фантастическими чертами, воспринимающимися Лёлей как нечто естественное.

Реалистическое и фантастическое тесно переплетаются в произведении даже в тех случаях, когда повествуется о вполне реальных событиях и вещах (стенные часы, подушка на пуху, школьный урок и т. п.). Таков эпизод о школьном классе в «Сказке о Соседней комнате». Лёля жила в деревенской школе: «А рядом с ее комнатой была — Соседняя. А рядом с Соседней комнатой нельзя было плакать». Запрет на плач рядом с Соседней комнатой (классом) был для маленькой Лёли загадкой, поэтому, когда девочка научилась ходить, она сразу пошла в Соседнюю комнату: «И только она открыла дверь, только заглянула, как сразу поняла — Комната Волшебная! Она увидела такие вещи, такие странные вещи, которым названия подобрать было невозможно! Потом-то оказалось, что названия у этих вещей есть» [3]. Этими удивительными вещами оказались парты, шкафы с книгами, глобус, школьная доска. Но даже когда Лёля узнала названия этих странных вещей, волшебство в Соседней комнате не исчезло, потому что она по-детски сообразила, что там мама учит школьников летать над партами. Истинное назначение класса и урока откроется Лёле позже.

Следует отметить, что фантастические элементы, вносимые в реалистическое описание с целью воссоздать мировосприятие ребенка, не препятствуют реалистическому изображению действительности. «Полынные сказки» рассказывают о жизни русской деревни начала XX в., о русской культуре, духовно-нравственных ценностях. В этом аспекте наибольший интерес представляют такие сказки, как «Сказка о Полыновке», «Сказка о метельном празднике», «Сказка о ледянке».

В «Сказке о Полыновке» дается описание бушующей вокруг деревни «серебряной» полыни, источающей «горький и радостный» запах. Однако, несмотря на то что полыновцы любят эту траву, бытует примета, что букет из полыни — к горечи. Мама не разрешает Лёли набрать букет полыни и поставить его в комнате: «Не надо нам в доме горечи». Под стать полыни и жители деревни: они «какие-то полынные — тихие, степные, полевые». Отдельными штрихами создается образ трудолюбивого народа, у которого даже дети выполняют немало домашней работы: школьник Максим, помогая ослепшей матери, дрова колот, печь топил, тесто месил, хлеб пек, самовар ставил; третьеклассница Марфуша помогала не только родителям, но и учительнице — прибежала в школу

мыть окна, подметать пол, нянчиться с Лёлей. Кроме того, в этой сказке представлено довольно полное описание национального костюма мордовской девушки; рассказывается о любимом традиционном блюде полыновцев — пшеничных блинах, «ноздрястых» и «пушистых»; сообщаются некоторые детали, связанные с валянием валенок.

В «Сказке о метельном празднике» повествуется о событиях одного из зимних вечеров, когда в гости к Татьяне Дмитриевне приехали ее любимые племянницы. Автор кратко, но выразительно описывает русскую зиму, с «трескучими да скрипучими, ветреными морозами». С описанием холодного темного вечера контрастирует очень динамичная картина «метельного праздника» с песнями и пляской, «морозного веселья», неотъемлемыми атрибутами которого являются кипящий самовар, пельмени, балалайка. В то же время в сказке вновь возникает мотив полынной горечи в песни о судьбе и воле, навеянный вестью о «волчках».

В «Сказке о ледянке» рассказывается о традиционной русской зимней забаве — катании с гор, излюбленном развлечении и детей, и взрослых. В тексте не только описывается сам процесс катания, но и сообщается, как и из чего делаются ледянки.

Разнообразные элементы народной культуры и быта не являются самоцелью повествования. Они оказываются в центре внимания ребенка, активно познающего мир вокруг себя. Со всей любознательностью, свойственной возрасту, и в то же время ограниченностью знаний Лёля старается догадаться о сущности того или иного предмета, странного на ее взгляд. Например, в «Сказке о метельном празднике» содержится эпизод знакомства Лёли с балалайкой, которая показалась девочке «странным существом с длинной коричневой и блестящей шеей», по которой «тянулись к треугольному телу тонкие золотые жилки». При прикосновении к ним раздается тоненький звук, но даже после этого девочка не может понять, живое ли это существо или «нарочно сделанное». Наконец ей объясняют, что это странное существо — музыкальный инструмент, в доступной для ребенка форме рассказывают о его назначении.

Познанию специфических форм выражения, закрепившихся в русском языке, может послужить и эпизод знакомства Лёли с настенными часами:

«— Это — часы, Лелесь, их трогать нельзя.

„А чего они все время носом болтают?“ — хотела спросить Лёля, но язык снова не повернулся. А поговорить о часах хотелось.

— Летают? — спросила она.

— Нет, они не летают, — засмеялась мама. — Они ходят или стоят» («Сказка о какой-то штуке с золотым носом») [3].

Этот эпизод рассказывает об очередном открытии маленькой девочки, для которой маятник настенных часов вовсе не маятник, а золотая «нос-нога», с помощью которой часы ходят. Так, через детские переживания и рассуждения, формируется у маленькой Лёли метафорическое значение глаголов «ходить» и «стоять».

Ю. Коваль с присущим ему вниманием к художественному слову очень тонко, психологически верно описывает отдельные эпизоды, отражающие процесс формирования словарного запаса ребенка. Маленькая Лёля проявляет внимание к внутренней форме слова. Так, когда Лёля знакомится со словом «крыльцо» («Сказке о крыльце и завалинке»), она приходит к следующему выводу: «Крыльцо, — думала Лёля. — Крыльцо. Хоть и не крыло, а, наверное, летает». Языковое чутье не подводит маленькую девочку, угадавшую, а скорее почувствовавшую, этимологию слова. Подобная языковая догадка посещает ее и при знакомстве со словом «завалинка»: «...Лёля уже сама поняла, что завалинка не летает, ясное дело — она ведь заваливает, дом снизу заваливает, чтоб ветер под дом не пробрался, а с ветром — мороз и снег» [3]. Автор мастерски воссоздает логику детских рассуждений, отражая взрослый мир в сознании ребенка в близких и понятных ему словах и категориях.

Кроме того, «Полынные сказки» обладают богатым нравственным потенциалом, отражают ключевые нравственные ценности. Без дидактизма, очень деликатно сказки учат доброте и милосердию, состраданию и самопожертвованию, бескорыстию и моральной ответственности за свои поступки. Такие нравственные ориентиры задаются автором в «Сказке о снежных часах», «Сказке о трех рублях», «Сказке о сестрах», «Сказке о сломанных дрожках», «Сказке о волках и глупой корове» и др. Духовно-нравственные ценности, утверждаемые на страницах «Полынных сказок», — это важный инструмент воспитательного воздействия, средство формирования общечеловеческих духовных ценностей и личностного развития юных читателей.

В целом повесть «Полынные сказки» отличается жизнеутверждающим пафосом, характерным детскому мировосприятию. Не случайно произведение завершается «Сказкой о счастливой сирени». Автор на примере своих героев учит любить жизнь во всех ее проявлениях. Даже круглый сирота Мишка-солдатик заявляет, что не нуждается в счастливом цветке сирени хотя бы потому, что у него за пазухой есть галчонок. Это его счастье невелико и непродолжительно (по просьбе Лёли Мишка отпускает галчонка на волю), но именно из такого умения радоваться простым мелочам рождается человеческое счастье.

«Полынные сказки» Ю. Коваля — это прекрасный образец детской литературы, самобытной авторской манеры. Силой художественного слова «Полынные сказки» помогают окунуться в мир детства, представленный на страницах повести в ярких и оригинальных образах, глазами ребенка взглянуть на окружающие нас привычные вещи, прикоснуться к глубинным смыслам русского языка.

Список использованной литературы

1. *Ащепкова Л.Д.* Своеобразие повествовательной модели повести Юрия Коваля «Полынные сказки» / Л.Д. Ащепкова // Актуальные проблемы современной филологии: материалы IX Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск, 25 апреля 2019 г. Красноярск, 2019. С. 6–8.
2. *Веднева С.А.* Стилиевые особенности прозы Юрия Коваля: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / С.А. Веднева; Моск. пед. гос. ун-т. М., 1999. 253 с.
3. *Коваль Ю.* «Я всегда выпадал из общей струи». Экспромт, подготовленный жизнью / Ю. Коваль; беседу вела И. Скуридина // Вопросы литературы. 1998. №6. С. 227–272.
4. *Коваль Ю.* Избранные произведения в одном томе: интернет-издание (компиляция). 2019. 1179 с. / Ю. Коваль // Рулит. URL: <https://www.rulit.me/books/izbrannye-proizvedeniya-v-odnom-tome-read-586339-1.html>. Дата обращения 17.07.2021

Об авторе

Захарова Людмила Васильевна — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка ФГК ВОУ ВО «Михайловская военная артиллерийская академия», Санкт-Петербург